

УДК 930.1(47)

ББК 63.1(2)

Роль классического народничества в отечественной и всемирной истории в оценке советской историографии

Ю.А. Зеленин¹, В.Н. Ильин^{1, 2}

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул, Россия)

The Role of Classical Populism in Russian and World History in the Evaluation of Soviet Historiography

Y.A. Zelenin¹, V.N. Ilyin^{1, 2}

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Altai Branch (Barnaul, Russia)

Проведен анализ роли классического народничества в отечественной и всемирной истории в оценке советской историографии. Авторы рассматривают эволюцию соотношения негативного и позитивного в народничестве в советской историографии. Сделан вывод о том, что оценка роли народничества в освободительном движении в советской историографии во многом зависела от политической конъюнктуры. В 1920-х — начале 1930-х гг. ряд историков — М.Н. Покровский, Б.И. Горев, С.И. Мицкевич, И.А. Теодорович, Ю.М. Стеклов — в революционных народниках (М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев, народовольцы) склонны были видеть прямых предшественников большевиков. В середине 1930-х гг. в советской историографии начала господствовать «сталинская», совершенно негативная оценка всего русского классического народничества, как «революционного», так и «либерального». В конце 1950-х гг. была признана определенная прогрессивность не только революционного народничества, но и либерального как неотъемлемых составляющих освободительного движения. Оспаривается тезис о снижении идейно-теоретического уровня народничества 1870-х гг. сравнительно с так называемыми революционными демократами. Во второй половине 1980-х гг. интерес к народничеству возрос. Это было связано с переосмыслением отечественной истории и поиском альтернативы той социально-экономической и политической системы, которая существовала в нашей стране до начала 1990-х гг. Впервые за много лет положительно ставится вопрос о социалистической и анти-totalитаристской альтернативности народничества.

Ключевые слова: народничество, историография, марксизм, революция, социализм, идеология.

The article analyzes the role of classical populism in the national and world history in the evaluation of Soviet historiography. The authors examine the evolution of the ratio of negative and positive features of populism in Soviet historiography. It is concluded that the evaluation of the role of populism in the liberation movement in the Soviet historiography largely depended on the political situation. In the 1920s and early 1930s a number of historians — M.N. Pokrovsky, B.I. Gorev, S.I. Mickiewicz, I.A. Teodorovici, Y.M. Steclov — were inclined to see in the revolutionary populists (M.A. Bakunin, P.L. Lavrov, P.N. Tkachev, the, the populists) the direct predecessors of the Bolsheviks. In the mid-1930s Soviet historiography was dominated by "Stalin", completely negative assessment of all Russian classical populism, both "revolutionary" and "liberal". At the end of the 1950s, certain progressiveness not only of revolutionary populism, but also of liberal one, as integral parts of the liberation movement was recognized. The article disputes the thesis about reducing the ideological and theoretical level of populism in the 1870s in comparison with the so-called revolutionary democrats. The second half of the 80s revived the interest in populism. This was due to the reinterpretation of national history and the search for alternatives to the socio-economic and political system that existed in our country before the beginning of the 1990s. For the first time in many years, the question of the socialist and anti-totalitarian alternativeness of populism was solved positively.

Keywords: populism, historiography, Marxism, revolution, socialism, ideology.

В последние годы отечественная историческая наука переживает качественно новый этап своего развития. По существу впервые перед исследователями самой действительностью поставлена исключительно важная задача критического осмысления накопленных за весь предшествующий период реальных знаний об отечественной истории. Что же касается массива историографии классического народничества советского периода как самостоятельной научной темы, то ныне для его кардинальной переоценки, по-видимому, настал самый подходящий момент. Сегодня уже сформировалась общественная потребность в непредвзятом выделении как рациональных «зерен», так и «плевел» в имеющейся отечественной литературе. Тем более, что прочно укоренившиеся в национальном общественном сознании легенды, мифы и стереотипы конъюнктурно-идеологического субъективного свойства превратились, к сожалению, в историографический факт, затрудняя дальнейшую разработку проблем, связанных с народничеством. В критическом концептуальном переосмыслении с современных позиций нуждается, по-видимому, фактически вся весьма обширная историческая литература о народничестве, которая в свое время издавалась в СССР. Поэтому выбор именно периода советской историографии народничества является вполне своевременным, правомерным и потому актуальным.

Уже в дореволюционное время в отечественной историографии сложились четыре основных концептуальных направления, идеологически значительно различавшиеся по своим подходам к изучению проблематики классического народничества: марксистское, либерально-дворянское, официально-охранительное и собственно народническое. Марксистское направление занимало, как известно, господствующие позиции в советской историографии, но и оно было неоднородно и включало в себя несколько внешне похожих концепций народничества: плехановскую, ленинскую и сталинскую. По своим истокам все они восходили к оценкам основоположников марксизма.

Данная статья выполнена в соответствии с такими общенаучными принципами, как объективность и историзм в изучении явлений, процессов, связей и отношений. В статье используется ряд общенаучных, исторических, историографических и источниковедческих методов исследования. Также был применен междисциплинарный подход, что объясняется междисциплинарной сущностью русского классического народничества как целостного общественно-исторического феномена, сложившегося в особых российских цивилизационных условиях и включающего в себя ментально-идеологический, практический и культурный аспекты. Поэтому народничество является предметом изучения для философии,

литературоведения, культурологии, политологии, социологии, экономики и т.д., которые на базе исторической науки образуют особую комплексную научную дисциплину — народническоеведение. Исходя из этого советская историография классического народничества в России складывается из комплекса исследований различных гуманитарных наук.

Оценка роли народничества в освободительном движении в советской историографии во многом зависела от политической конъюнктуры. При В.И. Ленине, И.В. Сталине, Н.С. Хрущеве, Л.И. Брежнев и М.С. Горбачеве хвалили и ругали русское классическое народничество по-разному.

В 1920-х — начале 1930-х гг. ряд историков — М.Н. Покровский, Б.И. Горев, С.И. Мицкевич, И.А. Теодорович, Ю.М. Стеглов — в революционных народниках (М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев, народовольцы) склонны были видеть прямых предшественников большевиков. Эту тенденцию в молодой советской историографии ее критики окрестили модернизацией истории революционного прошлого. От такой «положительной оценки» во многом происходило искажение народничества далеко не в его пользу. Хотя параллель между «русским бланкизмом» П.Н. Ткачева и народовольцев с большевизмом как экстремистской и западнической идеологией вполне правомерна, если учитывать, что с народничеством «русский бланкизм» имел мало общего. С.И. Мицкевич считал «русских якобинцев» во главе с П.Н. Ткачевым «провидцами будущего хода русской революции» и предшественниками большевиков [1, с. 25]. Н.Н. Батулин, выступив с критикой статьи С.И. Мицкевича, утверждал, что преемниками русских якобинцев являются не большевики, а партия социалистов-революционеров [2, с. 89]. Некоторые исследователи, например Б.П. Козьмин с Н.А. Рожковым, и вовсе не считали ткачевизм народническим течением [3, с. 122, 153].

Предпринимались попытки отождествлять с большевиками и М.А. Бакунина. Так, Ю.М. Стеглов называл М.А. Бакунина «...первым основоположником идеи Советской власти, этой политической формы диктатуры пролетариата, оказывается не кто иной, как создатель бунтарского анархизма Бакунин» [4, с. 6]. В этом тезисе содержится как истинный, так и ложный элемент. Действительно, народники, в первую очередь М.А. Бакунин и П.А. Шапов, а не большевики выдвинули идею советской власти. Большевики же во главе с В.И. Лениным исказили эту идею, соединив ее с концепцией диктатуры пролетариата [5, с. 94].

Эволюцию соотношения негативного и позитивного в народничестве в советской историографии той эпохи можно проследить на примере Е.М. Ярославского. Он, в будущем главный специалист по «идейному разгрому народничества»,

в 1920-е гг., опираясь на критику народничества В.Г. Плеханова и В.И. Ленина, главные ошибки революционных народников видел в следующем:

во-первых, «непонимание пути развития общества. Они полагали, что Россия может миновать путь капитализма»;

во-вторых, «непонимание значения и роли капитализма. В капитализме они видели только зло, и не видели, что капитализм вырастил и спланирует на борьбу революционный класс пролетариата»;

в-третьих, «неправильная оценка значения крестьянской общины как зародыша социализма»;

в-четвертых, «непонимание роли государства.

В вопросе о государстве народники стояли на точке зрения анархистов, считая всякое государство злом и не понимая того, что и борющиеся за свое освобождение рабочие и крестьяне могут создать свое, рабоче-крестьянское государство, отстаивающее их интересы»;

в-пятых, «непонимание и недооценка роли рабочего класса, выдвигание крестьянства как главной революционной силы».

Дальше Е.М. Ярославский отвечает на вопрос: «Чему же марксисты научились у революционных народников?». Спустя 10 лет такого вопроса у него уже не возникнет по следующим причинам: 1) «народники показали, какое громадное значение имеет организация партии, управляемой из одного центра, с крепкой партийной дисциплиной, партии, куда входят профессиональные революционеры»; 2) «они разбудили значительные слои разночинцев для революционной борьбы. Они широко распространили идеи политической борьбы за свободу»; 3) «они дали высокие образцы истинных революционеров. В.И. Ленин неоднократно указывал на такие образцы, как Кибальчич, Желябов, Мышкин, Халтурин!»; 4) «мы унаследовали от революционных народников богатые навыки революционной борьбы, умение бороться с полицией»; 5) «народники положили начало революционной работе в армии»; 6) «революционные народники положили начало первым рабочим организациям».

Естественно, Е.М. Ярославский считал, что положительная оценка не относится к либеральным народникам, которые «потеряли всякую революционность, но зато сохранили все предрассудки народников» [6, с. 25]. «Положительных» моментов у народников Е.М. Ярославский выделяет больше, чем отрицательных. Причем он их видит в практическом опыте по партийному строительству и методам революционной борьбы по большей части народовольцев.

Таким образом, у большинства историков-марксистов в оценке народничества сказывался «утилитарный» подход, берущий свое начало от В.И. Ленина — положительно оценивались, по-

мимо «крестьянского демократизма», часто экстремистские и заговорщические отступления от народничества, в полной мере развившиеся в большевизме и используемые им для завоевания государственной власти. Если практический аспект преимущественно революционного народничества оценивался, несмотря на искажения, достаточно высоко, то ментально-идеологический аспект считался в целом реакционным. Также в этот период советской историографии обращалось внимание и на культурный аспект народничества. Влияние народничества на искусство в целом, включая литературу, живопись, музыку, рассматривал только Н.А. Рожков. Для него характерно одностороннее преувеличение революционно-пропагандистской связи между народничеством и искусством. Больше всего исследовалось так называемое литературное народничество.

С середины 1930-х гг. в советской историографии начала господствовать «сталинская», совершенно негативная оценка всего русского классического народничества, как «революционного», так и «либерального». Образец этой оценки, от которого историки не могли отступать, был дан в «Кратком курсе истории ВКП (б)» (1938 г.), одним из авторов которого был уже известный Е.М. Ярославский. Никаких положительных черт в народничестве уже не выделялось. Народничество теперь являлось «главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и социал-демократического движения...» [7, с. 12]. К смертным теоретическим грехам народничества приписывали непонимание законов развития общества (подмена истинной теории классовой борьбы теорией «толпы и героев»), ошибочный взгляд на развитие капитализма в России, недооценка пролетариата как передового класса. Из теоретических ошибок вытекали практические: «...народники отказались от массовой революционной работы среди крестьянства и рабочего класса и перешли к индивидуальному террору... Народники отвлекали внимание трудящихся от борьбы с классом угнетателей бесполезными для революции убийствами отдельных представителей этого класса. Они тормозили развитие революционной инициативы и активности рабочего класса и крестьянства. Народники мешали рабочему классу понять его руководящую роль в революции и задерживали создание самостоятельной партии рабочего класса».

Таким образом, ментально-идеологический и практический аспекты народничества оценивались как сугубо реакционные. Культурное значение народничества игнорировалось. Народническое влияние на видных деятелей искусства подменялось на революционно-демократическое.

В конце 1950-х гг., с началом так называемой оттепели, у советских историков появляется возможность частично пересмотреть догматические оценки

значения классического народничества, утвердившихся в 1930-х гг. Причем пересмотр значения роли народничества предпринимается во всех трех его аспектах.

Была признана определенная прогрессивность не только революционного народничества, но и либерального как неотъемлемых составляющих освободительного движения. Оспаривается тезис о снижении идейно-теоретического уровня народничества 1870-х гг. по сравнению с так называемыми революционными демократами. Так, в частности, Н.А. Троицкий доказывал, что «изменения в идеологии «шестидесятников» и «семидесятников» были отнюдь не качественными, а количественными: некоторые социологические и тактические новшества добавлялись к основам теории революционного народничества, но самые основы, разработанные еще Герценом и Чернышевским, оставались неизблемыми» [8, с. 112]. Идеологов народничества опять стали признавать прямыми предшественниками социал-демократии.

«Бакунизм» ряд ученых считали вредным и реакционным теперь только в отношении мирового рабочего движения, как якобы причина раскола Интернационала. Но в российском освободительном движении «бакунизм» своей борьбой с царизмом считался прогрессивным течением народничества [9, с. 261]. За народничеством признается в целом большое влияние на русскую культуру, в том числе искусство, науку и философию [10, с. 262].

В 1960-х гг. историки так и не пришли к единому мнению ни по одному из спорных вопросов оценки народничества. В 1970-х гг. дискуссия прекратилась. В этот период преобладала смягченная «сталинская» точка зрения на значение народничества, отстаиваемая М.В. Нечкиной, А.Ф. Смирновым, А.Ф. Мартыновым, С.С. Волком и др. В 1980-х гг. ситуация несколько меняется. Происходит переоценка значения народничества в некоторых вопросах. В частности, Р.В. Филиппов подверг сомнению принятое в отечественной науке мнение о недооценке народниками рабочего класса. Он доказал, что «чайковцы» вели активную пропаганду среди рабочих и в 1873–1874 гг. планировали создать в Петербурге рабочую организацию с целью подготовки восстания. Это уже опровергает господствовавшее в советской историографии мнение о том, что народники рассматривали рабочих только как посредников между интеллигенцией и крестьянством.

Во второй половине 1980-х гг., в эпоху «перестройки», интерес к народничеству возрос. Это было связано с переосмыслением отечественной истории и поиском альтернативы той социально-экономической и политической системы, которая существовала в нашей стране до начала 1990-х гг. Впервые за много лет положительно ставится

вопрос о социалистической и антитоталитаристской альтернативности народничества.

Не марксизм с его централизмом, доктринерством, пренебрежением к национальной специфике, считает В.Ф. Антонов, а именно народничество могло стать реальной социалистической альтернативой для России. Поэтому «перестройка» является попыткой «демонтировать централизованную, придавившую народ партийно-административную диктатуру и на ее развалинах построить здание демократической федерации с органами народного самоуправления на производстве и на местах, что и завещали нам теоретики-федералисты народничества» [11, с. 17]. В.Ф. Антонов приходит к выводу, что «крах централизованного социализма свидетельствует о двух ошибках Ленина и в отношении к марксизму: он совершил волюнтаристскую революцию в стране неразвитого капитализма и после нее стал следовать догматам марксовской футурологии. Но поскольку революция стала фактом, альтернативой марксизму могло быть лишь учение о социализме, выработанное народническими теоретиками-федералистами, которым Ленин пренебрег как реакционным. Сегодня народничество вновь зовет строптивую науку обратить на себя внимание» [11, с. 18].

Но сохраняются и догматические оценки исторической альтернативности народничества [12, с. 78]. Для И.Д. Ковальченко единство объективных и субъективных факторов в складывании исторических альтернатив означает, что наличие общественных сил и их борьба за такой путь развития, для которого нет объективных возможностей в действительности, не создают альтернативы. Это, по его мнению, относится и к народничеству. Народники исходили из того, что капитализм в силу присущих ему противоречий является упадком и регрессом в историческом развитии. Они отстаивали идею о возможности для России благодаря наличию общины, перехода к социализму, минуя капитализм. Исходя из этой идеи, они вели борьбу за революционный социальный переворот, который, по их мнению, приведет к установлению социализма. Но идею эту И.Д. Ковальченко считает утопической, так как в России тогда еще не существовало объективных исторических возможностей для перехода к социализму. Поэтому героическая борьба народников, по его мнению, не создавала альтернативы: капитализм или социализм, шло лишь неуклонное становление и утверждение капитализма. Борьба народников, считал он, никак не может быть представлена альтернативой — капитализм или социализм — еще и потому, что объективно она была не борьбой против капитализма, а борьбой за один из вариантов его развития — прусский или американский. Таким образом, И.Д. Ковальченко прихо-

дит к выводу, что объективно народники боролись не за социалистическую, а за капиталистическую альтернативу развития страны.

Еще больше интерес к народничеству как исторической альтернативы усиливается после распада СССР и крушения марксистско-ленинской идеологии. Реформы 1990-х гг., основанные на либеральной идеологии, обострили неприятие нетрадиционных идеологий. Возрос общественный и научный интерес к народничеству (наряду со славянофильством и евразийством) как традиционалистской идеологии, предлагающей альтернативный проект модернизации России с учетом традиционных и универсальных ценностей, отличный от проектов тотальной «вестернизации» и «догоняющей модернизации». Исторической заслугой народников в решении про-

блемы цивилизационной идентификации и путей развития России явилось стремление, с одной стороны, рассматривать историческое развитие страны в рамках общеисторического процесса, а с другой — стремление видеть это развитие, имеющее свою внутреннюю основу и самодостаточное. Стремление к синтезу позволило народничеству одновременно избежать крайностей западничества и абсолютизации самобытности. Характерной чертой народничества является реакция как на европоцентризм, так и на изоляционизм. Основа исторического будущего российского общества выводилась народниками из существенных черт его прошлого. А заимствование чужого исторического опыта допускалось в том случае, если он соответствовал историческим традициям и настоящим реалиям России.

Библиографический список

1. Мицкевич С.И. Русские якобинцы // Пролетарская революция. — 1923. — № 6–7.
2. Батулин Н.Н. О наследстве русских якобинцев // Пролетарская революция. — 1924. — №7.
3. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. — Л.; М., 1925. — Т. 11.
4. Стеклов Ю.М. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность. — М., 1926. — Т. I.
5. Должиков В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). — Барнаул, 2000.
6. Ярославский Е. Краткие очерки по истории ВКП (б). — М., 1926. — Ч. 1.
7. История ВКП (б). Краткий курс. — М., 1938.
8. Вандалковская М.Г., Колесниченко Д.А. Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения // История СССР. — 1966. — № 4.
9. Захарина В.Ф. Теоретическая конференция по народничеству // История СССР. — 1960. — №1.
10. Итенберг Б.С. Народничество // БСЭ. 3-е изд. — М., 1974. — Т. 17.
11. Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. — 1991. — № 1.
12. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. — М., 1987.